

А.А. Гусейнов
А.В. Рубцов

ГЛАВА 12.

НАУКА И ВЛАСТЬ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

В последнее время инстанции управления все более активно вмешиваются в жизнь науки. Если учесть все опосредованные звенья и цепочки связей, иногда это просто на грани вторжения в исследовательский процесс. В полной мере это проявляется в науках социогуманитарного цикла. Естественно, никто пока еще не указывает ученым напрямую, как и что изучать и какие результаты при этом должны быть. Однако если внимательно проанализировать весь массив регулирования и контроля, а в особенности имеющиеся здесь тенденции, то окажется, что одни только формуляры отчетности реально влияют не только на жизнь, но и на профессиональную работу научного сообщества.

В данной главе мы попытались в сжатом виде изложить позиции и выводы исследования, имеющие, на наш взгляд, практическое и даже оперативное значение.

1. Регулирование науки: дисциплинарные техники

Это влияние осуществляется хотя и косвенно (в основном), через самоконтроль исследователей, через саморегулирование, часто даже вовсе безотчетное, однако его эффективность от этого ничуть не снижается, если не наоборот. В связи с этим повышенную актуальность приобретают вопросы:

- насколько такое вмешательство необходимо и где его пределы?
- каковы его реальные эффекты, локальные, суммарные и сверхсуммативные?
- те ли это эффекты, которые реально нужны науке, обществу, стране и в том числе власти, самим инстанциям управления?

Прежде всего надо объективно оценить масштаб формального

контроля и имеющиеся здесь тенденции.

При этом речь идет именно о формальном контроле: наращивание количества и объема заполняемых формуляров не приводит автоматически к повышению уровня контролируемости и управляемости. Часто даже наоборот. Пока отношения строятся на взаимном доверии и без избыточной бюрократии, оценка результата остается интегрально-интуитивной — и в этом смысле достаточно точной и объективной. Когда же интенсивно наращивается формальная составляющая, прежде всего планирование, отчетность и процедуры оценки результативности (в том числе количественные), сплошь и рядом оказывается, что обе стороны процесса вступают в «игру по правилам», а потому начинают пытаться обыграть друг друга, часто во вред общему делу.

Как это ни грустно, такие выводы — не моральное суждение, а установленный факт. В том числе установленный не только в системе взаимоотношений науки и власти, но и в рамках самого научного сообщества, в сфере его самоконтроля и саморегулирования (а этот формат куда более объективен и практически защищен от подозрений в желании науки сыграть на собственный цеховой интерес). Когда ученые пытаются более жестко формализовать оценку результативности своей работы и работы коллег, почти неизбежно происходит то, что в психологии называется «сдвигом мотива на цель» (А. Леонтьев). Люди начинают не только или даже не столько отчитываться по результату, сколько заранее подгонять результат под правильную, ожидаемую, поощряемую отчетность. Если кто-то думает, что это локальное отклонение, в особенности характерное для гуманитарных наук, а тем более для российского сегмента, это заблуждение. Такого рода закономерности зафиксированы в том числе: а) в мировой науке, в том числе западной, б) в точных и естественных науках, где, казалось бы, имитировать результативность практически невозможно.

Тем не менее тенденция к максимальной формализации регулирования и саморегулирования в науке у нас совершенно очевидна и в управленческой среде, судя по всему, рассматривается как единственно перспективная, стратегически безальтернативная, а также как методологически и методически безупречная. Что вовсе не очевидно.

С одной стороны, необходимо признать, что за такого рода формализацией стоят весьма серьезные тренды, прежде всего связанные с понятием постнеклассической науки. Одно из существенных отли-

чий заключается здесь в следующем. Наука перестает быть священной коровой, на которую молятся, которой позволено все и даже больше: начиная с траты ресурсов и заканчивая рискованными экспериментами, в том числе на живых людях. Теперь науке приходится выстраивать свои отношения с обществом на практически паритетной основе: объяснять, что она делает и зачем нужна, доказывать свою полезность или, как минимум, безвредность. В некоторых отраслях знания, например, в науках биомедицинского цикла, это во многом получается почти автоматически, едва ли не само собой: человечество пока еще более или менее легко верит, что скоро его разом накормят и вылечат (хотя и здесь уже осознаны серьезнейшие проблемы экспериментального риска и биоэтики). Однако другим наукам, уже успевшим напугать человечество масштабом расходов и угроз, например ядерной физике, приходится решать куда более сложные проблемы самооправдания и обоснования необходимости финансирования хотя бы в прежних объемах (проблема ЦЕРНа). В этой ситуации попытки как-то формализовать и объективизировать оценку результативности вполне понятны.

Вместе с тем эти общие тренды надо отделять от местных, туземных инициатив, которые вполне могут быть связаны с гораздо более прозаическими целями и интересами. В частности, нельзя не видеть наметившейся в последнее время общей тенденции к бюрократизации многих отраслей жизни и деятельности в России. Избыточное регулирование, распухание нормативной базы, дотошное, мелочное слежение за мельчайшими стадиями процесса — все это давно и не без оснований критикуется на политическом уровне как административный балласт, мешающий развитию экономики, технологий и, конечно же, науке. Чтобы в первом приближении оценить изменение ситуации, достаточно провести обычный статистический анализ формального документооборота, сравнив то, что есть сейчас, с тем, что было совсем недавно, а заодно и с объемом разного рода формальной отчетности в советский период, обычно критикуемый за чрезмерное, иногда просто абсурдное вмешательство государства в тонкие, не поддающиеся прямому администрированию процессы. Более того, можно увидеть здесь и общую тенденцию к наращиванию разнообразных форм регулирования и контроля, выступающих в качестве своего рода дисциплинарных техник, вырабатывающих привычные отношения в системе власти, господства — подчинения. Однако до обращения к

этим высоким материям придется столкнуться с куда более прозаическими вещами, в частности, с вопиющей проблемой качества этого контроля. В некоторых моментах вопрос даже не доходит до животрепещущего «много или мало» — все уже на дальних подходах к проблеме сводится к тому, что ТАК контролировать вообще нельзя, ни в больших дозах, ни в малых.

2. Антинаучная точность

Ярким примером такой ситуации является стремление уже сейчас, что называется с колес, использовать для оценки результативности отечественной науки разного рода библиометрические показатели: статистику публикаций, индексы цитирования, импакт-факторы и т. п.

Начнем с того, что избыточный, безоговорочный энтузиазм в отношении такого рода методик выглядит на данный момент проявлением не столько современности, сколько отсталости. В мировой науке уже поняли, что здесь и свои плюсы, но и подводные камни, начиная с искусственного раздувания числа публикаций, ссылок и т.п. и заканчивая циничным бизнесом на пристраивании заказных статей в ведущих научных журналах мира. Если эта проблема уже осознана как достаточно острая в мировой науке, с ее достаточно строгими традициями профессиональной научной этики, а также цехового и правового регулирования подобных ситуаций, можно представить себе, что может появиться в нынешней российской науке, когда ресурсное благополучие отраслей знания, институтов и отдельных исследований будет напрямую зависеть от такого рода формализованных показателей. Можно легко оказаться в положении, когда в самом профессиональном сообществе будет одна более или менее достоверная система признания авторитетов, а в зоне формальной отчетности — существенно другая. Это породит совершенно ненужный, лишний конфликт между научным сообществом и властью, дискредитирует институты управления, а с ними косвенно и политические инстанции, а главное, станет серьезным тормозом дальнейшего развития отечественной науки.

Особенно остро встанет эта проблема применительно к наукам социогуманитарного цикла, в том числе и к отечественной философии. Российская институциональная библиометрия, в частности Россий-

ский индекс научного цитирования, находится в зачаточном состоянии и принимать его данные за полную информацию, достаточную для принятия управленческих, а тем более политических решений, мягко говоря, было бы некорректно. Что же касается наиболее известных зарубежных баз данных, таких как, например, Web of Science, Scopus и т. п., то отечественная гуманитаристика по целому ряду объективных и субъективных обстоятельств представлена там не то чтобы не полно, а убогими несколькими процентами от того, что на самом деле имеет место в нашем корпусе публикаций и ссылок. Эти базы практически не реферируют наши журналы (единицы), избирательность в составлении такого рода списков более чем очевидна и имеет место не только в отношении России, существует практически непреодолимый языковой барьер. Совет, который иногда приходится слышать от администраторов — пишите по-английски, — выглядит либо некомпетентно, либо просто издевательски. Сплошь и рядом дело вовсе не в языке, а в том, что переводить практически нет смысла: эти публикации за рубежом не читают не потому, что они слабые, а просто потому что и не должны. Социология, этнография, история, литературоведение, лингвистика, целый спектр разделов философии — многое в этих и целом ряде других отраслей знания представляет огромный интерес для отечественной науки, для нашего общества, но совершенно не касается сферы интересов тех стран, которые занимаются переводом и изданием зарубежной научной литературы и одновременно контролируют наиболее известные базы данных. Это вполне естественное состояние для гуманитарных научных комплексов многих, если не большинства неанглоязычных стран мира, но, кажется, только в России есть такое слепое доверие к зарубежным методикам, которые на Россию вовсе не ориентированы.

Более того, гуманитарное знание основным модулем публикаций очень часто имеет вовсе не статью, а именно книгу. Однако стандартные базы данных книги практически игнорируют, останавливаясь на статьях в реферируемых журналах. Это с некоторыми оговорками может быть оправданно для точных и естественных наук, но дает фатально искаженную картину применительно к гуманитарному знанию.

Кроме того, в гуманитарном знании в ряде случаев вовсе не так строги требования к ссылочному аппарату, как в точных и естественных науках. Что же касается философии, то есть общепризнанные авторитеты и даже целые жанры, в которых ссылки в общепринятом

смысле вообще отсутствуют. Если это не учитывать, мы получим картину не просто заведомо искаженную — из поля зрения выпадет едва ли не половина авторов и работ, считающихся безусловно классическими.

Есть еще целый ряд обстоятельств, в силу которых механически скопированные статистические данные дают эффект не столько информации, сколько дезинформации. Мы можем оказаться в положении, когда для оценки науки будут использоваться данные, которые по всем показателям являются ненаучными, а при злонамеренном использовании и антинаучными. Библиометрия, конечно же, наука, но применять ее необходимо корректно и с таким же научным пониманием предмета. В противном случае некоторая польза, получаемая в усреднении усредненного, окажется ничтожной в сравнении с гигантским вредом, который может быть нанесен отечественной гуманитарной науке.

3. Социальный заказ и инерция контроля

Российские власти периодически проявляют оформленный интерес к повышению активности участия науки в жизни общества, в выработке стратегий, в принятии политических и управленческих решений, а также в мониторинге их реализации. Если проанализировать в данном контексте термин «наука», то окажется, что сюда попадает прежде всего знание социально-экономическое и общественно-политическое, а также гуманитарные науки в самых разных своих отраслях: этика, лингвистика, социальная психология, этнология, разного рода исторические исследования и пр. Есть направления гибридного характера, на грани знания точного и гуманитарного, например та же библиометрия, все более активно используемая при оценке результативности исследований, а в итоге и в принятии управленческих, политических, а возможно, и стратегических решений.

Особый интерес в этом контексте представляет пресловутая «проблема внедрения». Технологическая утилизация достижений естественнонаучного знания более или менее понятно устроена и также общеизвестны имеющиеся здесь острейшие системные проблемы. Однако что в этом плане представляет собой проблема «внедрения» для гуманитарной науки, для философии, для отраслей социально-

экономического и общественно-политического знания?

Проще всего все свести к обычным для науки академическим и (или) к популярным публикациям, к лекционно-просветительской деятельности и т.п.

Однако совершенно очевидно, что социальный заказ — и от общества, и от структур власти — выглядит существенно иначе и гораздо шире. Как раньше было принято выражаться, «партия и правительство» призывают философов, гуманитариев и пр. представителей «не естественных наук» активно участвовать в жизни общества, в выработке, оценке и реализации политических и управленческих решений. Оставим пока в стороне вопрос, насколько часто такой заказ бывает искренним и нацеленным на подлинное эффективное взаимодействие. Допустим даже, что система власти и управления в этом призыве всегда адекватна и готова всерьез прислушиваться к рекомендациям науки. Однако и в этом случае мы окажемся в нелепом и контрпродуктивном положении: система формализованной отчетности, по крайней мере в ее библиометрической составляющей, ориентированной на так называемые рецензируемые журналы, то есть на академические списки, не только не ориентирует «общественников» и гуманитариев на неакадемическую активность, но и фактически отвращает от нее, поскольку ресурс времени и сил у каждого ученого понятным образом ограничен. Вместе с тем, если бы библиометрическая статистика сподобилась учитывать не только публикации в интернете, но и общественную активность вокруг них, в частности ретрансляцию и сетевое тиражирование, ссылки и рекомендации, профессиональные комментарии и т.п., мы уже сейчас получили бы совершенно другую и куда более оптимистичную картину развития нашей гуманитарной науки и ее участия в жизни страны.

Это же относится и к участию науки в подготовке и экспертизе законопроектов, нормативных правовых актов, управленческих решений. Часто в этих разработках присутствует и собственно научный результат, который как таковой не эксплицируется, а потому не учитывается, хотя и получает известное распространение в соответствующих сегментах научного сообщества.

* * *

Все это не отрицает известной полезности применения формализованных и количественных методов при оценке результативности отече-

ственной науки. Однако необходимо в полной мере учитывать системные ограничения, накладываемые на применение этих методов спецификой гуманитарной науки вообще и отечественной гуманитаристики в особенности. В противном случае мы можем сами невольно сработать на принижение статуса и имиджа российской науки в мире. И тогда зачем затратные проекты, нацеленные на улучшение образа России?

Возможно, было бы больше пользы, если бы хотя бы малая часть этих средств была направлена на распространение и продвижение результатов нашей гуманитарной науки за рубежом. Тогда, возможно, у нас было бы меньше проблем и с мировыми базами данных.